

Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 3 (149). С. 69–76.
Izvestiya of Altai State University. 2026. No 3 (149). P. 69–76.

Научная статья

УДК 902.4

ББК 63.400

[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-09)

Топография и планиграфия объектов раннескифского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай)

Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин²,
Святослав Сергеевич Радовский³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
nikolay-seregin@mail.ru

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
mademin52@mail.ru

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
radovskiy1996@mail.ru

Original article

Topography and Planigraphy of the Early Scythian Period Complex of Karban-I (Northern Altai)

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Svyatoslav S. Radovskiy³

¹Altai State University, Barnaul, Russia, nikolay-seregin@mail.ru

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, mademin52@mail.ru

³Altai State University, Barnaul, Russia, radovskiy1996@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения особенностей расположения и внутренней структуры некрополя раннескифского времени, исследованного на площади памятника Карбан-I (Чемальский район Республики Алтай). Свыше 40 курганов данного комплекса раскопаны в 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет). В составе обозначенного могильника выделяются по меньшей мере три группы объектов раннескифского времени — западная (основная), центральная и восточная. Не исключено наличие четвертой группы, локализованной в южной части памятника, где пока был раскопан только один курган, отнесенный к обозначенному периоду предположительно. Наиболее вероятным объяснением зафиксированной ситуации является различная хронология сооружений, а также возможная этнокультурная дифференциация рассматриваемого древнего коллектива. Установлено, что особенности расположения и планиграфии некрополя Карбан-I в целом соответствуют ключевым характеристикам синхронных памятников, исследованных в разных

Abstract. The article presents the results of a study of the location and internal structure of an Early Scythian necropolis examined at the Karban-I site (Chemal District, Altai Republic). Over 40 burial mounds within this complex were excavated in 1989–1990 by an expedition from the Barnaul State Pedagogical Institute (now Altai State Pedagogical University). At least three groups of Early Scythian structures are distinguished within this burial ground: the western (main), central, and eastern. The presence of a fourth group, localized in the southern part of the site, where only one burial mound, tentatively dated to this period, has been excavated so far, cannot be ruled out. The most likely explanation for this situation is the varying chronology of the structures, as well as the possible ethnocultural differentiation of the ancient community under consideration. It has been established that the location and layout of the Karban-I necropolis generally correspond to key characteristics of contemporaneous sites in various parts of the Altai, associated with the Biyke archaeological culture. Further analysis of excavation materials from this burial ground, which have proven informative for historical reconstructions at various levels,

частях Алтая и соотносимых с бийкенской археологической культурой. Дальнейший анализ материалов раскопок обозначенного могильника, оказавшихся достаточно информативными с точки зрения исторических реконструкций различного уровня, позволит приблизиться к объективной интерпретации представленных закономерностей в локализации курганов и ритуальных сооружений раннескифского времени.

Ключевые слова: раннескифское время, Алтай, некрополь, топография, планиграфия, хронология, этнокультурная интерпретация

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Топография и планиграфия объектов раннескифского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 3 (149). С. 69–76. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-09).

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век — Средневековье)» (№ 25-18-00775).

Выбор места для устройства погребальных комплексов, а также планировка некрополей являлись важной частью обрядовой практики древнего и средневекового населения. В связи с этим обозначенные элементы ритуала достаточно часто рассматриваются археологами. По материалам раскопок на территории Алтая наиболее подробно изучались особенности топографии и планиграфии могильников скифосакского периода [1, с. 6–8; 2, с. 5; 3, с. 124–136; 4, с. 18–33; и др.]. Имеется также опыт анализа некрополей раннескифского времени, исследованных в горной части региона и представленных памятниками бийкенской культуры [5, с. 56–57; 6, с. 151–155; 7, с. 279–281; и др.]. Относительная немногочисленность погребальных комплексов данной общности, а также ограниченное количество полноценно исследованных многокурганных могильников делают актуальным изучение конкретных показательных некрополей. В настоящей статье представлены результаты анализа специфики топографии и планиграфии памятника Карбан-I, в составе которого исследована серия объектов раннескифского времени.

Археологический комплекс Карбан-I расположен в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс, в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). В 1989–1990 гг. на обозначенном некрополе в рамках охранных исследований экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина раскопаны свыше 40 курганов различных хронологических периодов.

Ключевой характеристикой топографии некрополя Карбан-I является локализация погребальных объектов на участке левого берега р. Катунь к се-

веру от устья р. Карбан, в узком урочище (длина около 600 м, ширина в пределах 100–180 м), вытянутом в меридиональном направлении и упирающемся с запада в горный массив, а с востока — в обрыв береговой террасы высотой около 18 м над урезом реки (рис. 2).

Keywords: Early Scythian period, Altai, necropolis, topography, planigraphy, chronology, ethnocultural interpretation

For citation: Seregin N.N., Demin M.A., Radovsky S.S. Topography and Planigraphy of the Early Scythian Period Complex of Karban-I (Northern Altai). *Izvestiya of Altai State University*. 2026. No 3 (149). P. 69–76. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)3-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)3-09).

Funding: the research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project “Comprehensive Chronology of Archaeological Sites in Altai (from the Stone Age to the Middle Ages)” (№ 25-18-00775).

веру от устья р. Карбан, в узком урочище (длина около 600 м, ширина в пределах 100–180 м), вытянутом в меридиональном направлении и упирающемся с запада в горный массив, а с востока — в обрыв береговой террасы высотой около 18 м над урезом реки (рис. 2).

Северный и южный края памятника ограничены двумя крутыми логами с отчетливо выраженными руслами пересохших ручьев. По своим ландшафтным характеристикам данная остепненная долина приурочена к типичным зимним пастбищным угодьям зоны среднегорий-низкогорий Алтайской горной страны, удобным для эффективного ведения яйлажного скотоводства. Особенности расположения рассматриваемого погребального памятника имеют черты сходства с многими могильниками бийкенской культуры Северного Алтая, которые, как и многие выявленные комплексы раннескифского времени в других частях Алтая, устроены по обоим берегам р. Катунь.

Большинство объектов раннескифского времени, исследованных в составе комплекса Карбан-I, сконцентрировано в западной части памятника, у подножья горы (№ 2–3, 8, 12, 20, 22, 26; раскоп 2). Особенности расположения обозначенных курганов, очевидно, определялись особенностями рельефа (см. рис. 3). Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок этих погребений, по многим параметрам соотносится с традициями населения бийкенской культуры [8, с. 48–49; 9, с. 168–173; и др.]. Несмотря на такое компактное расположение и предполагаемую принадлежность одной группе кочевников, объекты заметно отличаются друг от друга, а также от других синхронных комплексов, в том числе исследованных в соседних долинах. В западной части некрополя выявлена также одна насыпь, не содержа-

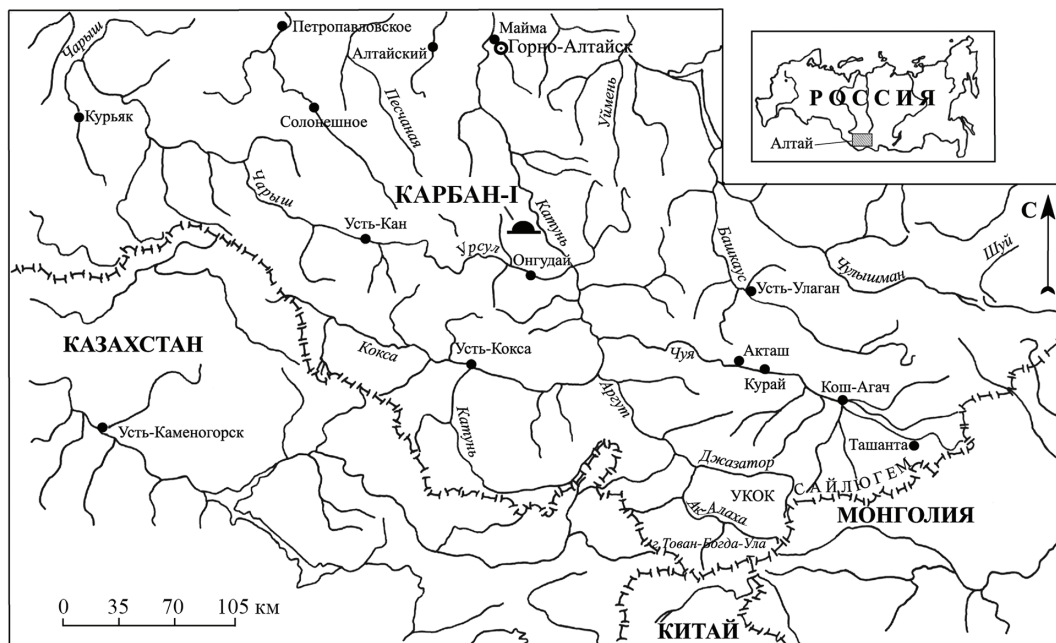

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан-I

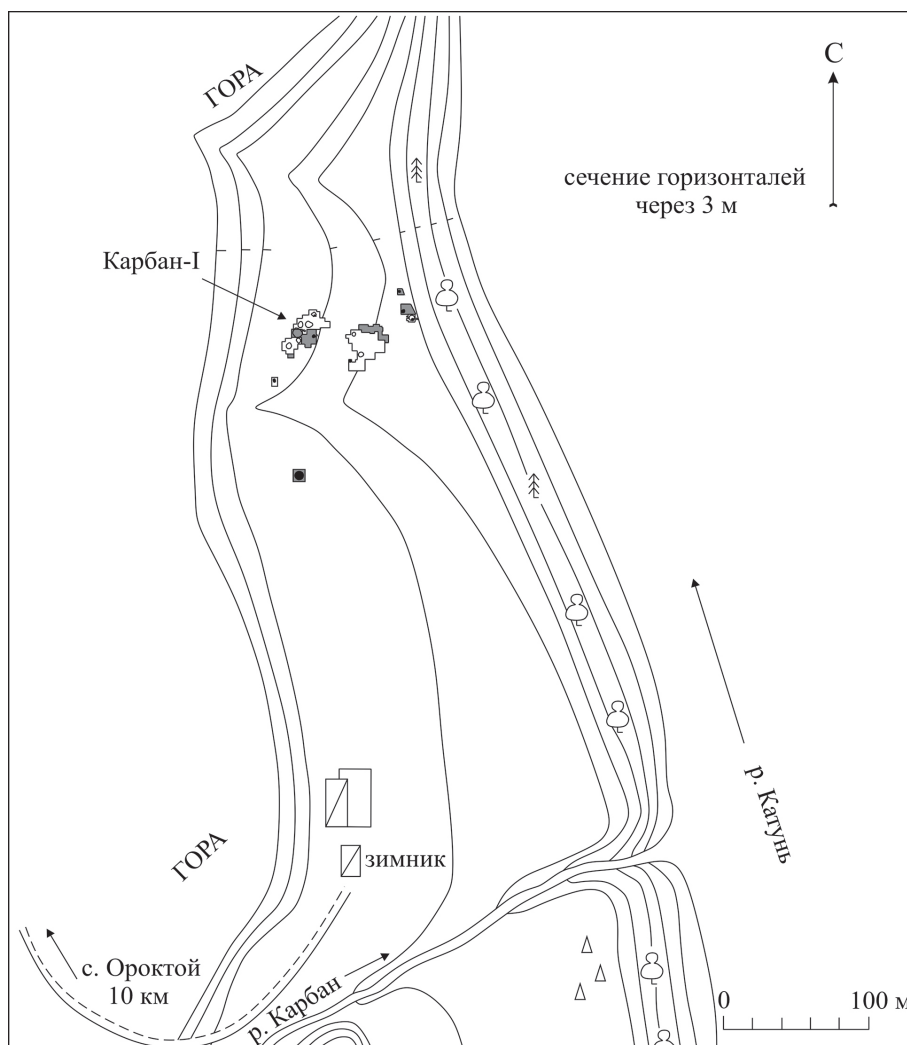

Рис. 2. План расположения археологических объектов и раскопов в урочище Карбан

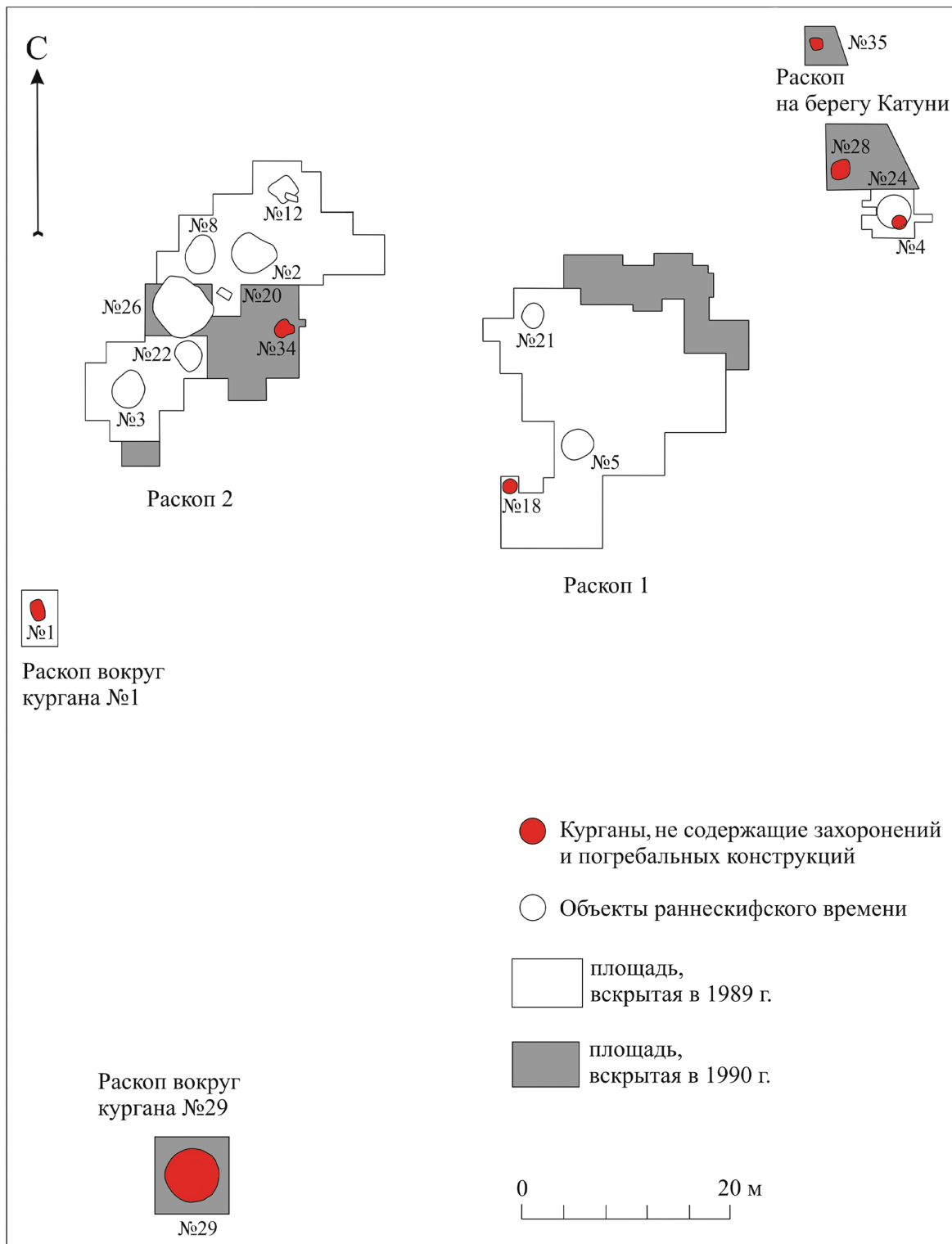

Рис. 3. План раскопов комплекса Карбан-I

шая захоронения, которая могла быть синхронна рассматриваемым погребениям (объект № 34). Еще одна выкладка (№ 1), планиграфически тяготеющая к данной группе, расположена несколько южнее большинства обозначенных сооружений [10, с. 180–185].

В центральной части памятника Карбан-I (раскоп 1), большую часть которой занимает некрополь сянбийского времени (II — первая половина III в. н.э.), выявлены только два объекта раннескифского периода (курганы № 5, 21) [11, с. 28–33] (см. рис. 3). Они в значительной

степени отличаются от погребений основной группы наличием захоронений в ямах с подбоем, а также представительным сопроводительным инвентарем в одном из погребений. Уточнение обстоятельств, определивших обозначенную специфику этих курганов (более поздняя датировка, принадлежность к другой группе населения или особый статус умерших), требует отдельного исследования. Кроме того, в центральной части могильника выявлен один ритуальный (?) объект (№ 18), в ходе раскопок которого не обнаружены следы захоронения [10, с. 178, 184].

Курган № 24, исследованный в восточной части рассматриваемого комплекса, не содержал человеческих останков, но наличие каменного ящика на уровне древнего горизонта позволяет с высокой долей уверенности отнести его к раннескифскому времени [10, с. 178–180]. Этим же периодом, вероятно, датируется ритуальный (?) объект № 4, частично перекрывавший курган № 24, а также ритуальные выкладки № 28 и 35 (см. рис. 3). Все обозначенные сооружения маркируют восточную периферию памятника Карбан-I, ограниченную высоким берегом р. Катунь. Еще один курган (№ 29) расположен в южной части некрополя, в отдалении от остальных объектов (см. рис. 3). Под каменной выкладкой не выявлено захоронений, однако керамика из насыпи имеет аналогии в материалах раннескифского времени Горного Алтая [10, с. 180–185].

Таким образом, в составе археологического комплекса Карбан-I выделяются по меньшей мере три группы объектов раннескифского времени — западная (основная), центральная и восточная. Не исключено наличие четвертой группы, локализованной в южной части памятника, где пока был раскопан только один курган (№ 29), отнесенный к обозначенному периоду предположительно. Следует признать, что такое деление может быть несколько искусственным, так как исследована не вся площадь могильника и между раскопками могут находиться другие объекты раннескифского времени. Также существует проблема интерпретации каменных выкладок, не содержащих захоронений. Их однозначная хронологическая и культурная атрибуция затруднена в связи с отсутствием каких-либо находок и характерных конструкций в большинстве объектов, однако имеющиеся аналогии позволяют предположить их отнесение к раннескифскому периоду. Косвенным подтверждением этому служит возведение обозначенных сооружений преимущественно рядом с курганами бийкенской культуры, а не около погребений сянбийского времени [10, с. 178–185].

Наличие нескольких групп объектов в структуре крупных некрополей представляет собой достаточно распространенное явление. Как правило, планиграфические и конструктивные особенности объектов объясняются хронологическими или социальными факторами [1, с. 104–106; 2, с. 5; 12, с. 850–853; и др.]. Подобным образом выделены группы и в рамках от-

дельных некрополей раннескифского времени [13, с. 22–24; 14, с. 8–12].

Отмеченные особенности топографии и планиграфии некрополя Карбан-I в значительной степени аналогичны характеристикам памятников бийкенской археологической культуры. Одним из важных признаков в этом плане является расположение могильников на террасах, ограниченных рекой и горами [7, с. 79]. Курганы зачастую образуют отдельные микроцепочки по два-три объекта, ориентированные по линии юго-запад — северо-восток или формирующие небольшие группы. Отмечены также отдельно стоящие и одиночные сооружения [15, с. 35–37; 16, с. 21–22]. На крупных кладбищах нередко фиксируются ритуальные объекты: каменные выкладки, отдельные ящики, стелы, петроглифы и др., что указывает на длительное почитание конкретного места [7, с. 79].

Другой показательной чертой обрядности населения бийкенской культуры было устройство курганов на отдельных возвышенностях, уступах и высоких террасах, а также вблизи скальных выходов, нередко по краям долины [14, с. 8–9]. Объекты раннескифского времени часто занимали наиболее высокую точку в долине (Бике-IV, Тогусхан-I, IV, Тыткескень-VI (курганы № 74, 85), и др.) [17, рис. 64.-I, 66.-3; 18, с. 212; 19, с. 5–12, рис. 3–4]. При этом нередко рельеф местности не позволял сооружать масштабные кладбища, ограничивая тем самым количество сооружений до нескольких курганов. Не исключено, что в ряде случаев определенная труднодоступность могильников была обусловлена стремлением древнего населения предотвратить попадание случайных людей в сакральное пространство [7, с. 79–80].

Одним из возможных объяснений преимущественной локализации курганов вблизи гор и по краям террас может являться своего рода экономия «полезного пространства». В условиях узких долин Горного Алтая неизбежна ограниченность территории, удобной для осуществления хозяйственной деятельности. В связи с этим важным является освобождение большей части доступной местности для организации пастбищ или земледелия. Кроме того, важным фактором выступало удобство доставки камней для сооружения курганных насыпей и внутримогильных конструкций [14, с. 8–9]. Последний тезис всецело подтверждается материалами, полученными в ходе исследований раннескифских сооружений памятника Карбан-I. Курганы и каменные ящики большинства объектов были сложены из плит, которые добывались из скальных выступов, находящихся поблизости.

Не исключена и другая интерпретация особенностей расположения погребальных памятников раннескифского времени в данной части Алтая, связанная с устройством кладбищ в непосредственной близости от поселений. К тому же неоднократно отмечалось, что цепочки курганов могли отражать постро-

ение жилищ в древнем поселке [5, с. 56–57; 7, с. 79; 20, с. 20–23]. К сожалению, возможности конкретизации данного предположения ограничены невысокой степенью изученности поселений скифской эпохи в целом и сохраняющейся проблемой разграничения подобных комплексов, относящихся к бийкенской и пазырыкской культурам [20, с. 63–69].

Несколько иным было устройство синхронных некрополей майэмирской культуры, исследованных в северо-западных предгорьях Алтая. Могильники, как правило, включали не более трех — пяти захоронений. Планиграфия объектов различна: они могли быть выстроены в ряды, размещены по кругу или не имели явной упорядоченности [21, с. 15]. В более позднее время население пазырыкской культуры Горного Алтая устраивало кладбища в виде рядов курганов (часто достаточно многочисленных и составленных из микроцепочек), вытянутых в направлении север-юг с редкими отклонениями, вдоль или поперек долины [1, с. 6–7; 6, с. 159–160; 22, с. 118–119; 23, с. 36–46; и др.]. Известны случаи сооружения небольших некрополей, составленных из нескольких объектов; также существовала традиция возведения одиночных курганов [6, с. 159–160; 24, с. 29]. Для быстрианской культуры северных предгорий Алтая было характерно, главным образом, сооружение масштабных кладбищ (нередко от нескольких десятков до более сотни объектов), однако в Чумышской группе памятников известны и одиночные сооружения. Цепочки курганов были сформированы в направлении север-юг с различными отклонениями [4, с. 18–26].

Возвращаясь к возможностям интерпретации специфики планиграфии некрополя Карбан-I, отметим, что наиболее вероятным объяснением зафиксированной группировки объектов на площади памятника является различная хронология сооружений, а также возможная этнокультурная дифференциация рассматриваемого древнего коллектива. Полученные результаты радиоуглеродного анализа в связи с эффектом «галыштатского плато» пока не позволяют уверенно разграничить комплексы по времени их возведения. Вместе с тем изучение имеющихся материалов предоставляет основания для ряда наблюдений. Судя по зафиксированной стратиграфической ситуации,

одним из наиболее ранних может быть курган № 24 — его перекрывал слой почвы, на котором позже был возведен объект № 4. Раннюю датировку может иметь и курган № 26. На это указывает наличие более позднего подзахоронения в погребальной камере данного комплекса, которое сильно нарушило целостность основного костяка (при этом и второй индивид также, вероятнее всего, относится к раннескифскому периоду). Остальные курганы западной группы, за исключением объектов № 2, 12 и 22, имеют заметные отличия от «стандартных» характеристик погребальной обрядности населения бийкенской культуры (положение на правом боку, ориентировка головой на восток и др.), которые находят аналогии в памятниках пазырыкской культуры и косвенно указывают на более позднюю датировку обозначенных сооружений.

Вероятно, к завершающему этапу в развитии бийкенской культуры относятся курганы центральной группы (№ 5 и 21). Наряду с аналогиями в материалах скифо-сакского времени обозначенные объекты близки по своим характеристикам к комплексам майэмирской культуры северо-западных предгорий Алтая раннескифского периода (захоронения в могильной яме с подбоем, представительный инвентарь и др.). Проникновение носителей таких традиций в горную часть региона фиксируется во второй половине VII — первой половине VI в. до н.э. Несмотря на то что подобные объекты нередко включены в некрополи бийкенской культуры, они зачастую локализованы в отдельные группы или завершают цепочки раннескифских курганов [5, с. 38–40, рис. 9; 13, с. 24–25, рис. 1; 14, с. 11, рис. 2; и др.].

Изучение некрополя Карбан-I показывает, что особенности расположения и планиграфии данного комплекса в целом соответствуют ключевым характеристикам синхронных памятников, исследованных в разных частях Алтая и соотносимых с бийкенской археологической культурой. Дальнейший анализ материалов раскопок обозначенного могильника, оказавшихся достаточно информативными с точки зрения исторических реконструкций различного уровня, позволит приблизиться к объективной интерпретации представленных закономерностей в локализации курганов и ритуальных сооружений раннескифского времени.

Библиографический список

1. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
2. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2005. 204 с.
3. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
4. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Топография и планиграфия некрополей быстрианской культуры Алтая скифо-сакского времени // Народы и религии Евразии. 2019. № 4. С. 17–33. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)4-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)4-02)

5. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
6. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
7. Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во ДНУ, 2005. Т. 2. С. 279–294.
8. Гельмель Ю.И. Погребения скифской эпохи урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Б.и., 1991. С. 48–50.
9. Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Погребение бийкенской культуры из Северного Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул: АлтГПУ, 2022. Вып. 17. С. 168–175. <https://doi.org/10.37386/2687-0584-2022-17-168-175>
10. Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. «Ритуальные» курганы некрополя Карбан I (Северный Алтай) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул: АлтГПУ, 2023. Вып. 18. С. 175–186. <https://doi.org/10.37386/2687-0584-2023-18-175-184>
11. Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПУ, 1992. С. 28–34.
12. Шульга П.И., Головченко Н.Н. Новые данные о планиграфии могильника Камень-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. XXX. 2024. С. 849–853. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2024.30.0849-0853>
13. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.
14. Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.
15. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 35–67.
16. Полосымак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. 1993. Вып. 3. С. 21–31.
17. Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2009. 212 с.
18. Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П. Предметный комплекс аржано-маймирского времени из памятника Бике-IV на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 211–216.
19. Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб.: ГЭ, 2001. 65 с. (Материалы СААЭ ГЭ. Вып. 4).
20. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.
21. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
22. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.
23. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
24. Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. и др. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 286 с. (Вып. 1: Интеграционные проекты СО РАН).

References

1. Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. *Scythian Era of the Altai Mountains. Part 3: Funerary Complexes of the Scythian Time of the Middle Katun*. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2004. 292 p. (In Russ.).
2. Umanskij A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. *The Scythian Burial Site of Rogozikha-1 on the Left Bank of the Ob River*. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2005. 204 p. (In Russ.).
3. Frolov Ya.V. *The Burial Rite of the Population of the Barnaul Ob Region in the 6th Century BC — 2nd Century AD (Based on Data from Ground Burial Sites)*. Barnaul: Azbuka, 2008. 479 p. (In Russ.).
4. Radovskij S.S., Seregin N.N. Topography and Planigraphy of the Necropolises of the Bystryanskaya Culture of the Altai in Scythian-Saka Period. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2019. No 4. P. 17–33. (In Russ.).
5. Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. *Scythian Era of the Altai Mountains. Part I. Culture of the Population in Early Scythian Times*. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 1997. 232 p. (In Russ.).
6. Tishkin A.A., Dashkovskij P.K. *Social Structure and World-view System of the Altai Population of the Scythian Era*. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2003. 430 p. (In Russ.).
7. Tishkin A.A., Leonova I.Yu. Funeral Practice of the Bearers of the Biyke Culture of Altai: Semantics of the Archaeological Complex. *Structural and Semiotic Studies in Archaeology*. Doneck: DNU Puvl., 2005. Vol. 2. P. 279–294. (In Russ.).
8. Gel'mel' Yu.I. Scythian Burials in the Karban Tract (Gorny Altai). *Problems of Archaeology and Ethnography of Siberia and the Far East*. Krasnoyarsk: s.n., 1991. P. 48–50. (In Russ.).
9. Seregin N.N., Demin M.A., Radovskij S.S. Burial of the Biyke Culture from Northern Altai. *Field Research in the Upper Ob*

Region, Irtysh Region and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology). Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2022. Vol. 17. P. 168–175. (In Russ.).

10. Seregin N.N., Demin M.A., Radovskij S.S. "Ritual" Burial Mounds of the Karban-I Necropolis (Northern Altai). *Field Research in the Upper Ob Region, Irtysh Region and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology)*. Barnaul: Altai State Pedagogical University Publ., 2023. Vol. 18. P. 175–186. (In Russ.).

11. Demin M.A., Gel'mel' Yu.I. Kurgan Burial of the Early Scythian Period from Mountain Altai. *Questions of Archeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age*. Barnaul: BGPU Publ., 1992. P. 28–34. (In Russ.).

12. Shul'ga P.I., Golovchenko N.N. New Information about the Planigraphy of Kamen-2 Necropolis. *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ. Vol. 30. 2024. P. 849–853. (In Russ.).

13. Tishkin A.A. Funeral Structures of the Biike Burial Mound and the Culture of the Population That Left Them. *Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai*. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 1996. P. 20–54. (In Russ.).

14. Surazakov A.S., Tishkin A.A. *Archaeological Complex of Kyzyk-Telan-I in Gorny Altai and the Results of Its Study*. Barnaul: Azbuka, 2007. 232 p. (In Russ.).

15. Mogil'nikov V.A. Some Aspects of the Ethnocultural Development of Gorny Altai in the Early Iron Age. *Materials on the Archeology of Gorny Altai*. Gorno-Altajsk: GANIIYAL Publ., 1986. P. 35–67. (In Russ.).

16. Polos'mak N.V. Research on Scythian Monuments in Ukok. *Altaica*. 1993. No 3. P. 20–30. (In Russ.).

17. Stepanova N.F., Soenov V.I. *Archaeological Sites and Objects of the Chemal District*. Gorno-Altajsk: AKIN Publ., 2009. 212 p. (In Russ.).

18. Tishkin A.A., Matrenin S.S., Semibratov V.P. Complex of Objects of the Arzhan-Mayemir Period from the Bike-IV Site in Altai. *Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archeology*. Barnaul: Altai State University Publ., 2018. Vol. 2. P. 211–216. (In Russ.).

19. Marsadolov L.S. *Complex of Monuments in Semisart in Altai*. Sankt-Petersburg: State Hermitage Publ., 2001. 65 p. (Materials SAAE GE. Issue 4). (In Russ.).

20. Shul'ga P.I. *Pastoralism in the Altai Mountains during the Scythian Period (Based on Settlement Data)*. Novosibirsk: NGU Publ., 2015. 336 p. (In Russ.).

21. Shul'ga P.I. *Riding Horse Equipment and Military Belts in Altai*. Part I. Barnaul: Azbuka, 2008. 276 p. (In Russ.).

22. Surazakov A.S. *Mountain Altai and Its Northern Foot-hills in the Early Iron Age. Problems of Chronology and Cultural Demarcation*. Gorno-Altajsk: Gorno-Alt. otdel. Alt. kn. izd-va, 1989. 216 p. (In Russ.).

23. Kubarev V.D., Shul'ga P.I. *Pazyryk Culture (Chuya and Ursula Mounds)*. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2007. 282 p. (In Russ.).

24. Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A. et al. *Population of Gorny Altai in the Early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origins, Genesis, Historical Destinies (According to Archaeology, Anthropology, and Genetics)*. Novosibirsk: Publishing House SB RAS, 2003, 286 p. (Integration Projects of the SB RAS. Issue 1). (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Н. Серегин, доктор исторических наук, доцент, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

М.А. Демин, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;

С.С. Радовский, младший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии, хранитель фондов музея археологии и этнографии Алтая, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Information about the authors

N.N. Seregin, Doctor of Historical Sciences, Docent, Director, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Professor at the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul, Russia;

M.A. Demin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor at the Department of Russian History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;

S.S. Radovsky, Junior Researcher, Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Curator of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University, Barnaul, Russia.